

3. Иванюк Б. П. Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) / Борис Павлович Иванюк. – Черновцы: Рута, 1998. – 252 с.

4. Банников Н. В. Жизнь и поэзия Бальмонта / Н.В. Банников // Бальмонт К. Д. Солнечная пряжа: Стихи, очерки [Сост., предисл. и примеч. Н. В. Банникова]. – М.: Детская литература, 1989. – С. 3-12.

5. Новалис. Фрагменты / Новалис // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1980. – С.99.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Валентина Авраамовна Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

УДК 81'16

*Репринцева М.А.
(Курск, Россия)*

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ КАК СРЕДСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МЕТАЯЗЫКА ЧЕЛОВЕКА

У статті ми спробуємо проаналізувати способи побудови правильного/ помилкового висловлювання, до складу яких входять дієслівні конструкції, а також спробуємо виділити елементи внутрішньої мови людини, які допомагають носієві мови відрізнити правильні / неправильні граматичні конструкції в мові.

Ключові слова: *метамова, внутрішнє мовлення людини, мовна помилка, дієслівна форма, дієприслівник.*

В статье осуществляется попытка проанализировать способы принятия решений относительно правильности / ошибочности высказываний, имеющих в своей структуре деепричастные обороты, а также выделить элементы внутреннего метаязыка, выступающие как опоры для принятия такого решения.

Ключевые слова: *метаязык, внутренний язык человека, речевая ошибка, глагольная форма, деепричастие.*

Means of making decision as to sentence being correct / incorrect are analyzed to define elements of inner metalanguage used by the speaker in participle construction recognition/ construction.

Key words: *metalanguage, speech error, verbal constructions, participle constructions.*

Феномен ошибки – явление не новое, его изучением занимались выдающиеся лингвисты и психологи 20 века. Так, этот феномен получил подробное изучение в работах многих выдающихся ученых (Я.Г. Теслеца, О. Сиротининой, В.Б. Кашкина, С.И. Горюхой). А.А. Залевская, например, предлагает рассматривать ошибку не как интересный казус или нарушение предписанного правила, а как инструмент научного исследования.

© Репринцева М.А., 2012

Необходим и важен анализ механизмов ошибки, поскольку это способствует пониманию и анализу принципов функционирования языка, продуцированию и пониманию речи, а также организации языковых явлений [Залевская, 2008].

Исследование речевых ошибок осуществляется в разных направлениях и включает сбор и анализ ошибок как в связи с обучением иностранным языкам, так и для выявления специфики овладения и пользования родным языком.

С точки зрения проводимого нами исследования целесообразно обратиться к работам Г.В. Ейгера, который рассмотрел работу механизма контроля языковой правильности высказывания с акцентированием внимания на взаимодействии когнитивного и эмоционального, осознаваемого и неосознаваемого. Итоги сопоставления наблюдений и результатов экспериментов Г.В. Ейгера дали объяснение различных типов ошибок, которые, по его мнению, отражают нарушения, происходящие на разных этапах речемыслительного процесса. Кроме того, Г.В. Ейгер показал возможность целенаправленного формирования механизма контроля языковой правильности высказывания при обучении грамматическим структурам с опорой на теорию поэтапного формирования умственных действий, разработанную П.Я. Гальпериным. Также Г.В. Ейгером были предприняты попытки определения характера ошибок, которые соотносились им с неким «чувством языка», характер которого, по его мнению, столько же «эмоционален» сколько и «индивидуален» [Ейгер, 1990].

Механизм контроля, согласно теории Г.В. Ейгера, представляет собой «сумму знаний о языке», полученную в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующую в виде языковых представлений индивида и регулирующую «правильность» и «нормативность» речи индивида. Чувство языка Г.В. Ейгер соотносит с интуитивными процессами. В этой связи «языковую интуицию» можно поставить в один ряд с столь же малоисследованными явлениями как «чувство тела», «чувство формы, ритма, цвета» и т.д. [там же].

Интерес исследователей также привлекают вопросы, связанные с ролью внутреннего языка (естественного метаязыка человека), который по мнению ряда ученых (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Б.С. Шварцкопф, В.Г. Костомаров) играет непосредственную роль в устроении индивидуальной системы родного и иностранного языков. К сожалению, в большинстве работ лингвистов и психологов XX века, естественный метаязык человека не рассматривается как механизм, обслуживающий речевую деятельность. Поэтому представляется целесообразным опираться на точку зрения П.Я. Гальперина, который полагал, что внутренний язык можно считать продуктом сформированного умственного действия, «когда ситуация узнаваема по характерным для нее признакам, а действия, свою очередь – контролируются человеком на уровне подсознания, интуитивно, на уровне чувств. Так, по мнению П.Я. Гальперина, выполняется «динамический стереотип» – то, что мы называем моделью естественного метаязыка человека, исполнение которого согласуется с «нервной моделью», чувством или интуицией [Гальперин: 88]. Названные выше и подобные им исследования имеют связь с различными теориями и подходами к изучению процессов, механизмов порождения и выявления ошибок, относятся к числу работ, выполненных в русле деятельностного подхода, характерного для отечественной лингвистики.

Кроме того, немаловажен когнитивный подход, в рамках которого, ошибки рассматриваются с позиции структуры процессов перехода от намерения к его языковому во-

площению, где различные типы лексических и грамматических ошибок обсуждаются с опорой на общую модель процесса продуцирования речи и на модели процессов поиска и выбора слов, приписывания различных грамматических функций выбранным единицам или «моделям» внутреннего языка [Bock & Levelt, 1994].

В рамках когнитивного подхода делается акцент на анализ ошибок с позиции понятия «промежуточного языка», а так же особенностей слов в «ментальном лексиконе» индивида, «чувстве языка». А.А. Залевская, говоря о внутреннем языке еловека ссылается на исследования Л.И. Божович и А.М. Орловой, которые показали, что обучение грамматике родного языка опирается на уже сформированное «чувство языка», представляющее собой обобщение на уровне первичной генерализации, не предваряемой сознательным вычленением элементов, подлежащих обобщению. Тем самым обеспечивается образование грамматических, орфографических и стилистических навыков применительно к языковому материалу, который не может быть четко определен, когда нельзя дать полной ориентировочной основы [Залевская 2005: 108].

Л.И. Айдарова для обозначения метаязыка использует термин: «смысловое сообщение», которое заключается в сопоставлении формы и значения языковых элементов и анализе структуры слова. Ценным в данном случае является ориентация на прямую связь между «знанием материала и чувствительностью к нему» [Айдарова 1978: 98].

Наряду с деятельностным и когнитивным подходами к анализу ошибок имеются и другие, в которых различные типы ошибок трактуются по-разному и получают различное объяснение. Так, в работах Н. Хомского ошибки толкуются с позиции генеративной лингвистики, позволяющей смоделировать условия и процессы, приводящие к их возникновению.

Существует также мнение, что ошибки можно и нужно считать показателем особенного внутреннего словаря. Эту идею в своих работах развивает М. Грабска, высказывая мнение о том, что ошибочной является не модель идентификации слова, а результат ее применения. В подтверждение, М. Грабска предлагает классификацию выявленных ошибок по типам опознавания незнакомых слов и согласно соответствующим им единицам [Грабска, 1996].

Анализ ошибок и попытки их интерпретации и классификации – процесс сложный и трудоемкий, поскольку часто одни и те же примеры ошибок могут быть отнесены к различным категориям. Носителю языка часто бывает сложно определить правильную и неправильную конструкцию, поскольку не всегда удается объяснить причины выбора используемых им слов. Говорящий часто может или не знать правильного слова, или не уметь его применять в речевой ситуации, или же просто не знает нормы или путает используемую им языковую единицу с какой-то еще.

Тем не менее, мы предполагаем, что анализ ошибок может с успехом быть использован для исследования особенностей внутреннего метаязыка, как с точки зрения изучения его «устройства», так и в целях улучшения обучения языку.

Поскольку внутренняя сторона речемыслительных процессов скрыта от непосредственного наблюдения исследователя, изучению и анализу доступны лишь акты речевого поведения носителя языка. Отсюда следует, что любое построение или «моделирование» имеет гипотетический характер и требует уточнения. Кроме того, исследователь должен быть дистанцирован или хотя бы мысленно отстранен от испытуемых, чтобы

избежать искажения результатов и «навязывания» своих собственных метаязыковых образов. Тем не менее, на основании анализа материалов экспериментов исследователь неизбежно «нивелирует» индивидуальные особенности внутреннего метаязыка отдельных носителей языка, фиксируя общие модели. В этой связи, справедливо высказывание Р.М. Фрумкиной, утверждавшей, что исследователь, выбирая язык для описания, осознает свою деятельность. Он выбирает язык, который влияет на осознание языка и отношение «Язык-Действительность» [Фрумкина, 2000].

С целью выяснить, как работает внутренний язык при опознании ошибки, был проведен пилотажный эксперимент. Материалом для него были выбраны предложения, содержащие некорректные стилистические, грамматические и лексические конструкции, прежде всего, ошибки в использовании деепричастного оборота. Выбор таких предложений был не случаен, поскольку использование причастий и деепричастий в устной и письменной речи чаще всего вызывает затруднения у носителей русского языка. Деепричастный оборот часто используется носителями русского языка, однако даже в речи телеведущих, в рекламе, в художественных и научных, а также переводных текстах наблюдается возрастание количества ошибок в построении такой конструкции. Мы предполагаем, что это свидетельствует о несформированном или недостаточной сформированном образе причастия/деепричастия в сознании носителя языка.

Для пилотажного эксперимента были отобраны предложения, имеющие ошибки (взятые из письменных работ и устной речи носителей русского языка). Далее был сформирован список из десяти предложений. Поскольку эксперимент включал три задания, список был распечатан на трех отдельных листах, объединенных в буклет. Одни и те же примеры были выбраны для всех заданий не случайно, по нашему мнению, это должно было помочь нам увидеть механизм того, как испытуемые (далее ии.) «чувствуют» свой естественный метаязык. В первом задании ии. должны были указать, правильно или неправильно построено предложение. Во втором задании ии. предлагалось исправить ошибки, а в третьем – объяснить, почему предложение неправильное (если оно было опознано как таковое).

В исследовании участвовали представители разных профессий и специальностей. Всего в эксперименте принимали участие 20 человек (возраст 22-28 лет), носители русского языка. Из общего числа ии. все задания эксперимента выполнили 10 человек, 5 человек отказались участвовать, 5 – не вернули бланки заданий. Всего было получено 100 ответов (10 буклетов по 10 предложений; ответы на все три задания буклета рассматривались в совокупности для каждого отдельного бланка). Из них 32 ответа следует считать неправильными (т.к. ии. сочли предложения, содержащие ошибки, правильными); 40 – условно правильными (т.к. предложенные задания были выполнены ии. частично или не объяснены); 28 ответов отнесены к правильным (т.к. ии. попытались скорректировать предложения и объяснить внесенные изменения).

Анализ материалов эксперимента показал, что все ии. смогли выявить «верные» /«неверные» предложения. По нашему мнению, удалось это благодаря внутреннему «чувству языка», о котором говорилось выше. Это доказывает наше предположение о том, что на глубинном уровне ии. обладают метаязыковыми моделями (в нашем случае моделями глагольных форм), «работающими» как средства опознания ошибочных

конструкций. В тех случаях, когда ошибочные предложения не были опознаны как неправильные, такие глубинные модели, скорее всего, отсутствовали и не могли быть использованы как опоры для идентификации ошибки.

Так, например, предложения *«Эти термины рассматривают смешное как результат высвобождения психической энергии, высвобождая человека от некоторого ограничения»*; *«Будучи мальчиком, его мать упала с дерева»*; *«Проанализировав работы ученых в русской и английской грамматике, вопрос выделения частей речи остается очень серьезной проблемой»*; *«Этот текст оценивается кооперативно всеми студентами, подтверждая мысль о кооперативности молчания в русском коммуникативном поведении»*; *«Дойдя до реки, усталость овладела нами»*, – чаще всего опознавались ии. (на интуитивном уровне) как предложения, построенные неверно или содержащие ошибку.

Предложения *«Еще будучи кардиналом, его прозвали железным»*; *«Глядя на раздаточный материал, у меня возник вопрос»*; *«Некоторые не могут принять мир таким какой он есть. Не имея возможности его переделать, им во что бы то ни стало нужно его переписать»*; *«Обсуждая любую профессию, первое, что приходит в голову – это ее «престижность» или «непрестижность»*, – гораздо реже отмечались ии. как предложения, содержащие нарушения. Пример: *«Анализируя процесс синонимической аттракции, для нас важно было проследить закономерности»*, – чаще всего не вызывал никаких сомнений.

Ии. были предприняты попытки исправить, предложения, данные в экспериментальных бланках. Всего было предпринято 68 попыток, из них к правильно исправленным можно отнести лишь 28. Ии., которые отнесли предложения к группе неправильных, попытались изменить их следующим образом:

«Эти термины рассматривают смешное как результат высвобождения психической энергии, высвобождая человека от некоторого ограничения» — ии. предлагали заменить деепричастие «высвобождая», другими, более подходящими причастиями и деепричастиями: *освобождая* и *освобождающий*. Интересно, что при этом ии. увидели ошибку в употреблении слова (повтор), но не исправили очевидной грамматической ошибки – несогласованности деепричастия с подлежащим.

Предложение *«Будучи еще мальчиком, его мать упала с дерева»*, по мнению ии., содержало логическую ошибку. Ии. предложили трансформировать предложение, заменив деепричастный оборот придаточным предложением: *«Когда он был мальчиком, его мать упала с дерева»*, или *«Когда его мать была ребенком, она упала с дерева»*.

Анализ полученных ответов показал, что при выполнении второго задания эксперимента ии. трансформировали предложения двумя способами: 1) преобразованием деепричастного оборота в придаточное предложение; 2) изменением формы сказуемого (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Способы преобразования деепричастного оборота

Преобразование деепричастного оборота в придаточное предложение; трансформация структуры предложения	Изменение формы сказуемого
<i>Будучи кардиналом, он был прозван железным.</i>	

<i>Когда он был кардиналом, он был прозван железным. Когда он был кардиналом, его прозвали железным. В то время, когда он был кардиналом, его называли железным.</i>	<i>Будучи кардиналом, он был прозван железным.</i>
<i>Глядя на раздаточный материал, у меня возник вопрос.</i>	
<i>Когда я посмотрел на раздаточный материал, у меня возник вопрос. Раздаточный материал вызвал у меня массу вопросов.</i>	
<i>Анализируя процесс синонимической аттракции для нас важно было проследить закономерности.</i>	
<i>В анализе синонимической аттракции для нас важным было проследить закономерности. Анализ синонимической аттракции позволил нам проследить закономерности. Прослеживание закономерностей было одной из основных задач анализа синонимической аттракции.</i>	

Однако достаточно большое количество ответов показало, что, хотя ин. понимают, что предложение неправильное и пытаются исправить ошибку, они не могут этого сделать, так как не понимают характер этой ошибки. Например,

Проанализировав работы ученых в области русской и английской грамматики, было выявлено, что...

Проанализировав работы ученых, выяснилось, что...

У меня возник вопрос, глядя на раздаточный материал.

По результатам выполнения третьего задания и в личных беседах по окончании эксперимента ин. не всегда могли объяснить, что в предложении неправильно и почему они именно таким образом пытаются исправить ошибки. В большинстве случаев они ссылались на интуицию, на то, что «чувствуют, необходимость употребления именно деепричастия, а не что-то еще», или что им «удобнее» использовать существительное вместо глагольной формы, потому это «привычнее», а вероятность совершения ошибки кажется им меньше. В одном из бланков было указано, что в предложении имеется ошибка, связанная с тем, что деепричастный оборот не согласован со сказуемым.

По итогам пилотажного эксперимента можно сделать вывод о том, что носители языка действительно используют свое «чувство языка», т.е. некоторые метаязыковые опоры, которые, к сожалению, не всегда оказываются достаточно правильно сформированными. Большие трудности вызывают попытки осознанного использования подобных структур, что подтверждает «интуитивность» внутреннего метаязыка, его «бессознательный» характер.

Дальнейшее исследование будет направлено на выяснение возможностей моделирования элементов внутреннего метаязыка и их использования для обучения языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдарова Л. И. Психологические проблемы обучения младших школьников русскому языку. – М., 1978. – 144 с.
2. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. Издательство: М. Книжный дом «Университет», «Высшая школа», 2002. – 400с.
3. Грабска М. Сопоставительно-ассоциативный контекст русскоязычного потенциального словаря поляков (теоретические и эмпирические исследования). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. – 249 s.
4. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков: «Основа», 1990. – 184 с.
5. Залевская А.А. Избранные труды. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. – 543.
6. Залевская А.А. «Промежуточный язык» в разных ракурсах // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – Вып. 8. – С. 32 –46.
7. Фрумкина Р.М. О знаковых системах заменяющих естественный язык // Вопросы языкознания. – №4. 2000. – С.1 – 10.
8. Bock K. & Levelt W. Grammatical encoding // Gernsbacher M.A. (Ed.) Handbook of psycholinguistics. – San Diego; New York; Boston etc.: Academic Press, 1994. – Pp.945–984.